

Куда идет национальное государство?

Where is the nation-state heading to?

DOI: 10.12737/2587-6295-2020-3-13

УДК 321

Получено: 15.08.2020

Одобрено: 05.09.2020

Опубликовано: 25.09.2020

Младенович М.

д-р полит. наук, профессор факультета безопасности Белградского университета, Сербия,
Председатель Совета факультета
e-mail: m.mladenovic@fb.bg.ac.rs

Mladenovich M.

Doctor of Political Science, Professor of the Faculty of Security Studies, Belgrade University,
Serbia, Chair of the Faculty Council
e-mail: m.mladenovic@fb.bg.ac.rs

Милошевич М.

д-р юрид. наук, профессор факультета безопасности, Белградского университета, Сербия,
Университетский омбудсман
e-mail: mladen.milosevic@gmail.com

Milosevic M.

Doctor of Legal Sciences, Professor of the Faculty of Security Studies, Belgrade University, Serbia,
University Ombudsman
e-mail: mladen.milosevic@gmail.com

Аннотация

Хотя государство по-прежнему выступает в качестве основной единицы исторической, политической, культурной и экономической жизни, многие мощные факторы заставляют его постепенно отказываться от некоторых своих традиционных позиций и уступать место более крупным транснациональным институтам. Эта тенденция, безусловно, сохранится и в будущем.

Однако было бы неверно делать вывод, что это односторонний и однозначный процесс. По сути, суверенитет во многих сегментах будет уменьшаться и исчезать, но есть элементы, в которых он будет сохраняться и даже расти. Поэтому неоправданно торопиться провозглашать смерть национального государства. Оно по-прежнему будет одним из ведущих субъектов, поскольку, как указывают некоторые исследователи, резкое сокращение суверенитета и нарушение традиционных функций государства могут легко привести к хаосу.

Целью данного исследования является анализ и описание положения, перспективы национального государства в условиях глобализации. В значительно измененной социально-политической обстановке вопрос о судьбе главного субъекта политической жизни общества нельзя оставлять в стороне.

Исходя из того, что государство чрезвычайно сложное и изменчивое явление, методологический аппарат для его изучения должен быть очень широким. В исследовании, которое вписывается в политико-философское поле социальных наук, как основные, были использованы: системный метод (при изучении различных связей и отношений – внутри государства и в его взаимоотношениях с внешним окружением), а также сравнительный

метод (социально-экономические, политические, социальные, исторические и другие ситуации, в разных регионах мира). В определенной степени проводился и политико-правовой анализ, при рассмотрении положения человека-гражданина в меняющемся мире. Это важно, тем более, что принятие (добровольно или принудительно) чужого опыта и институтов требует изменения политической, а то и общей культуры.

Ключевые слова: государство, глобализация, суверенитет, легитимность, СМИ, власть, «мягкая сила».

Abstract

Although the state still acts as the main unit of historical, political, cultural, and economic life, many powerful factors force it to gradually abandon some of its traditional features and give way to larger transnational institutions. This trend will certainly continue to develop in the future. However, it would be wrong to conclude that this process is a one-sided and unambiguous. In fact, sovereignty in many segments will decrease and disappear, but there are elements in which it will persist and even grow. It is therefore unjustifiable to rush to proclaim the national state's death. It will continue to be one of the leading actors, because, as some researchers point out, a sharp reduction in sovereignty and violation of the traditional functions of the state can easily lead to chaos.

This study aims to analyze and to describe the position and prospects of the nation state in the context of globalization. In a significantly changed socio-political situation, the question of the fate of the main political life subject within each society cannot be omitted.

Considering that the state is an extremely complex and changeable phenomenon, the methodological apparatus for its examination should be very broad.

In this study, which fits into the political philosophy field of the social sciences, the systemic method was used as the main one (inspection of various connections and relations within the state and its relationship with the external environment), as well as comparative method (socio-economic, political, social, historical, and other situations in various regions of the world). To a certain extent, political and legal analyses were carried out when considering the position of a citizen-individual in a changing world. This is of utmost significance, as the acceptance (voluntarily or compulsorily) of someone else's experience and institutions requires a change in both political and general culture.

Key words: state, globalization, sovereignty, legitimacy, media, power, "soft power".

Введение

В этой статье рассматривается сложный характер процесса глобализации и возможные последствия этого процесса для суверенитета национальных государств.

Хотя тема государства занимала центральное место со времен основоположников современной политической мысли (Макиавелли, Боден, Гоббс, Монтескье, Локк, Руссо, Гегель, Токвиль, Маркс, Вебер...), этот термин стоит и по сей день как своего рода абстракция, значение которого не определено однозначно. Новые сомнения в позиции национального государства были вызваны процессом глобализации, который также не получил точного определения. Мысли ведущих теоретиков этой взаимосвязи можно наблюдать в широком диапазоне: от того факта, что национальное государство выполнило свою историческую миссию, до того, что его влияние становится сильнее.

Независимо от того, какая часть этого спектра ближе к истине, нельзя отрицать, что глобализация вызывает изменения в традиционном понимании государства, политики, экономики, права и т.п.

Гиперглобалисты (например, Оме) считают, что государство больше не представляет собой высший орган политической и экономической системы. По их словам, глобальный рынок занимает центральное место. Неолибералы считают, что глобализация принесла окончательную победу индивидуальным свободам. По мнению теоретиков марксизма, это

триумф капитализма. Скептики считают, что глобализация не существует на деле. Она, как миф, охватывает три основных сегмента мировой экономики (Европу, Северную Америку и Тихоокеанский регион Азии). По их мнению (Херст, Томпсон и др.), Национальное правительство остается главной силой общества. Для трансформационистов (Розенау, Гидденс) мир становится более взаимозависимым и небезопасным, а государства пытаются адаптироваться, изменяя себя в соответствии с миром, в котором существуют.

Учитывая сложность темы, методология восприятия роли и перспективы национального государства в глобализирующемся мире тоже должна быть сложной. Работа принадлежит к области политической философии. Чтобы понять весь политический процесс и роль государства в нем, будет использован системный метод. Кроме того, сравнительный метод занимает важное место, особенно в условиях принятия чужого опыта при формировании государственных институтов. Учитывая, что изменения, связанные с ролью государства, происходят в контексте определенной исторической ситуации, в нужной степени будет использован и исторический метод.

1. Национальный суверенитет и глобализация

Независимо от периода и концепции, суверенитет государства и нации на практике всегда был ограничен различными влияниями. Сегодня идея полной свободы действий государства даже теоретически кажется совершенно нереальной. Область внутреннего суверенитета значительно сужена многочисленными международными договорами.

Практически само государство создало множество элементов самообуздания, даже в тех областях, которые традиционно считаются основными составляющими суверенитета: регулирование импорта и экспорта товаров, определение таможенных пошлин и налогов, принятие правил выбора и формирования органов власти, регулирование вопросов свобод и прав граждан и даже решение вопроса об эмиссии денег.

Например, священное правило собственности было подавлено в странах Европейского союза, отменены собственные валюты и введено евро. Даже право принимать решение о войне и мире, которое на протяжении веков считалось главной чертой суверенитета, сейчас находится под пристальным вниманием международного сообщества. Мы являемся свидетелями того, что внутренние дела государства, в которые до сих пор никто не вмешивался и которые регулировались только внутренним законодательством и обычаями, значительно сужаются.

Избирательные процессы, особенно в странах так называемой неконсолидированной демократии, в которых можно легко увидеть открытое влияние других государств, наиболее легко показывают, как мало осталось внутренних дел, которые государство может регулировать самостоятельно.

Добровольное принятие международных соглашений, которые, среди прочего, означают ограничение суверенитета правителей и государств, не ново, – начиная со Священного союза первой половины 19-го века, через военные блоки и различные экономические ассоциации. Можно сделать вывод, что процессы интернационализации не новы. Сегодня они охватили весь мир. Раньше экономические альянсы были редкими и с гораздо меньшим количеством членов. В настоящий момент они представляют собой наиболее частую форму связывания государств. Некоторые из них, такие как Международный валютный фонд или Всемирная торговая организация, включают большинство стран мира.

Многие из проблем, которые касаются традиционных внутригосударственных проблем, сегодня решаются контактами лидеров некоторых из самых влиятельных стран мира. Только небольшое количество стран могут остаться в стороне и иметь возможность проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику.

Ситуация парадоксальна до того, что даже правительства отдельных стран более ориентированы и более подотчетны международным институтам, чем их собственным гражданам, чьей волею на выборах они были сформированы.

Как бы странно это ни казалось, в настоящее время наибольшую степень классического государственного суверенитета можно найти в идеологически (Китай) и экономически замкнутых государствах (Северная Корея, Куба), хотя и у них оно постепенно уменьшается. Что касается открытых и развитых стран, то делегирование суверенитета для них более чем очевидно. Единственным исключением являются Соединенные Штаты, которые часто позволяют себе открыто ставить свои национальные интересы выше союзников и даже мира, несмотря на недовольство других государств.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что большинство государств добровольно соглашается ограничить свой суверенитет, ожидая в качестве награды реальные политические, экономические и другие выгоды. Таким образом, большое количество бывших социалистических государств присоединилось к Евросоюзу, жертвуя частью своего суверенитета взамен за определенные преимущества совместной жизни [6, с. 31]. Конечно, не так мало и тех, которые лишены своего суверенитета в процессе «навязывания демократии». В результате, государство на своей территории перестает быть основным субъектом, способным обеспечить правовое принуждение для сохранения своего порядка.

Из его рук выходит регулирование свобод и прав человека и гражданина, экологическая политика, финансовые вопросы, информирование граждан, формирование общественного мнения, система образования и т.п.

Имея в виду вышесказанное, не мало авторов в области политологии, думает, что «доктрина национального суверенитета» считается устаревшей, поэтому необходима новая оценка сущности и значения этого термина. В связи с этим можно с полным основанием говорить о кризисе классического государства.

Кризис государства особенно ярко выражен в 1960-х и 1970-х годах как на Востоке, так и на Западе. Кризису неэтанитарного и некорпоративного западного государства сопутствует некомпетентное, безответственное, громоздкое и дорогостоящее правительство восточных стран.

Попытки преодоления кризиса государства в обоих политических полушариях в основном связаны с дальнейшим утверждением плюралистической концепции. Она на Западе подавила теорию либеральной демократии, которая основывалась на механистически-атомистическом представлении общества, как таковая, была несовместима с его технологическим развитием и сложной внутренней структурой. На Востоке эта концепция стала основной моделью конституционного определения в процессе «перехода», несмотря на то, что для нее часто не существовали даже элементарные условия.

1.1. Два лица глобализации

Термин «глобализация», несомненно, относится к категориям социальных наук, которые наиболее широко обсуждались и оценивались в последние годы. Такая широкая разработка, однако, не означает достижения ясности и раскрытия сущности этого явления. Напротив, кажется, что с увеличением расширяемости существует более широкий спектр противоречий, недоразумений и непонимания реального воздействия этого явления на другие социальные происшествия и процессы.

Во время открытия Америки половина карты Колумба была пустой, с пометкой «terra incognita». Общества, которые тогда были похожи на оазисы в пустыне, сегодня являются частью «мировой системы» или «глобального порядка», который все больше определяется в ущерб классическим международным отношениям, в которых национальное государство было основным субъектом.

«Если я разговариваю со своим парижским другом непосредственно или по электронной почте, когда нахожусь в Калифорнии; если я слежу за политическими и культурными событиями повсюду на земном шаре, не покидая дома; если данные, содержащие персональную информацию обо мне, используется правительствами и концернами на всем земном шаре, причем меня не ставят об этом в известность или я не могу этому

воспрепятствовать; если я, сидя дома, делаю покупки с помощью компьютера, то где я нахожусь в таком случае? Кто я?» [1, с. 178-179].

Для части авторов, глобализация – это объективный и стихийный планетарный процесс, для других – он исключительно представляет собой проект господства Запада (американизация мира).

Пока для некоторых – это процесс сближения и интеграции мира, создание глобальной экономики и космополитической культуры, для других – глобализация неизбежно вызывает фрагментацию, постоянно растущий социальный разрыв между мирами и столкновение цивилизаций.

Члены одного теоретического блока провозглашают, что глобализация неизбежно приводит к гибели национального государства и культуры, в то же время другие отмечают, что она способствует распространению и повышению значения национальных государств, оживлению национальной самобытности и культуры.

Для некоторых это старое явление, связанное с распространением империльного влияния и универсальных религий, для других глобальному миру всего лишь около двадцати лет, после падения Берлинской стены.

Между этими крайностями существует и «среднее» понимание, которое допускает, что глобализация является исторически неизбежным, законным процессом. Все общества сталкиваются с необходимостью адаптироваться к новому миру, в котором различия между международным и внутренним, внешним и домашним, больше практически не существует. Английский социолог Роланд Робертсон (Roland Robertson) предлагает слово «глокализация», как самое подходящее для описания практического соотношения глобального и локального. Во всяком случае, надо иметь в виду, что траектория глобализации не определена заранее и на ее направление можно повлиять.

Практически, этот исторически открытый и изменчивый процесс может привести как к объединению, так и к раздробленности, сотрудничеству или конфликту, универсализации или партикуляризму.

Это похоже на судьбу национального государства; оно не является ни «исторически мертвым», ни единственным создателем новых отношений. Просто в новых условиях его роль меняется: оно становится более активным, превращается в носителя стратегии адаптации к новому глобальному порядку.

Жизнь в современных условиях – это жизнь в двух параллельных и взаимозависимых мирах: глобальном и локальном, что соответствует сложной природе человека. Что человек очень сложное существо, замечено еще древними китайскими философами. Они учили, что человеческая жизнь распространяется на несколько параллельных сфер: невинную, утилитарную, моральную и трансцендентную. Невинная сфера (которую Платон называет похотливой частью души) состоит из всех характеристик, общих для всех живых существ.

Под утилитарной сферой понимается деятельность, мотивированная личной полезностью (для Шопенгауэра – это эгоизм как одна из движущих сил человеческой деятельности; кроме злобы и сострадания). Моральная сфера является следствием социальной сущности человека и проявляется через вклад, который индивид вносит в коллектив. И, наконец, трансцендентная сфера: помимо того, что он является членом социального сообщества, человек, как говорит Менций, также является гражданином Неба. Как мыслящее существо, он не удовлетворен пределами опыта, но его ум также углубляется в размышления метафизики, рассматривая вопросы бессмертия души, тотальности вселенной, общей причинности и т.д. [2, с. 373-374].

Оказывается, глобализация, в некотором смысле, имманентна человеку как существу. Она имеет долгую историю и является воплощением четкого антропологического и цивилизационного кода. Глобализация является выражением всеобщего и постоянного стремления человека: от путей шелка, экспансии великих религий и цивилизаций, военных завоеваний и гигантских империй через мощные рычаги промышленной революции и колониальных завоеваний до попытки создания современного «мирового общества».

Основными инструментами для реализации идеи «мирового сообщества» являются: технологическая революция («сокращение» времени и пространства); глобальный рынок (унификация потребностей); повышение осведомленности о растущей взаимозависимости (сближение ценностей и этических установок различных национальных и культурных образований, в первую очередь находящихся под влиянием средств массовой информации); распространение идентичных форм и образов жизни (постиндустриализм, глобализация СМИ и информационная революция, законы рынка, разделение властей, многопартийность, унификация свободы и права ...).

Даже классики марксизма предупреждали, что дикая природа рынка ведет к космополитизму.

«Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, — отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству» [4, с. 36].

Таким образом, простое понимание необходимости глобализации не означает уникальности характера взаимозависимости. Связывание субъектов международных отношений может носить как демократический, так и авторитарный характер. Форма глобализации зависит, прежде всего, от мировоззрения ее ведущих действующих лиц. В течение 20-го века менялись два главных противоположных проекта глобализации: кейнсианский и неолиберальный. В первом случае она стремилась создать условия для ускоренного экономического развития стран третьего мира и сократить разрыв между развитыми и слаборазвитыми, в то время как неолиберальная элита стремилась завоевать командные позиции в наднациональных учреждениях, не заботясь о положении человека.

Резкое расширение социального разрыва между «центром», «полупериферией» и «периферией», а также внутри отдельных обществ привело к тому, что элита становилась богаче, а широкие массы стали многочисленнее и беднее. В конце 1980-х годов неолиберализм отказался от поддержки диктаторских режимов и ввел в действие убедительный проект по продвижению демократии. Однако, в то же время показатели создания «авторитарного транснационального государства» стали расширяться.

С изменением концепций меняются формы и средства достижения поставленных целей.

Независимо от характера глобализации, положение отдельных государств становится все более неопределенным, включая и основные характеристики государства, такие как суверенитет и легитимность.

Кризис легитимности проявляется в неспособности обеспечить массовую лояльность и внутреннюю интеграцию. Независимо от того, имеет ли она демократический характер или проявляется в авторитарной форме, политическая власть неразрывно связана с мощью, которая используется, среди прочего, для доказательства своей легитимности. Легитимность требует легитимации, — подчеркивает профессор Любомир Тадич, т.е. правительство должно постоянно доказывать оправданность своего существования.

Мощь, как существенная черта власти, в этом смысле может быть выражена как превосходство или как возможность. В смысле превосходства она проявляется в

командовании, угнетении, похищении, узурпации, а в форме возможности она связана с обеспечением творческой активности людей в совместной жизни с другими.

Современные правящие элиты в борьбе за обеспечение «массовой лояльности» все чаще стремятся избежать применения грубого принуждения, которое не может иметь более длительного значения, и используют более коварные методы. Еще в семнадцатом веке ученик Макиавелли, Клапмариус (Arnold Clapmarus) объяснял своему хозяину, что мошенничество является наиболее надежным средством мастерства государственного деятеля. Основой такого правила являются пустые права (*iura inania*), которые создают у субъектов впечатление, что они имеют то, чего у них реально нет.

Второй характер глобализации – глобализм, по сути, проявляется как процесс навязывания воли США другим частям мира. Нет сомнений, что роль Америки как «глобального полицейского» очевидна. Однако вопрос в том, должна ли глобализация превратиться в создание *Pax Americana*, как это думают и искренне верят в Соединенных Штатах [7].

Даже если это возможно, стоит ли поддерживать такую идею? Правда, интересы США часто совпадают с волей других стран и регионов, но так бывает не всегда. Постоянно убеждать других в том, что интересы Соединенных Штатов – это интересы всех, совсем нереально [7]. С другой стороны, такой подход подразумевает непосредственное участие Америки на всех меридианах и во всех важных для мира действиях.

Всегда следует помнить, что влияние на других – это двусторонний процесс. Римское государство когда-то объединяло варваров и создавало условия, чтобы одно племя могло защищать другое. Результатом такого подхода была варваризация всей империи и ее окончательный распад [7, с. 69-72]. Постоянное расширение исламского населения в Европе и черного населения в Америке, которое мы наблюдаем, является, по мнению многих, процессом, который изменит основные характеристики коренных народов. Как говорит русский философ Александр Зиновьев, не за горами время, в котором: «И вопить будет "Алла!" с башни Эйфеля мулла» [11, с. 5].

Русский писатель и публицист Федор Рязakov хорошо отмечает, что историю нельзя «оседлать» только насильственными средствами! Для этого требуется «перекодирование» сознания. Иными словами: необходимо изменить не только мир информации, но и мир символов. В этом контексте символическая сфера является наиболее важной. Она в значительной степени опирается на социальную память общества и может создать сопротивление разрушителям, устремленным извне, а также формам самоуничтожения.

«Мягкая сила» – это именно то, что содержит работу с сознанием через информацию, знание и культуру. В частности, это реализуется, как пишет Джозеф Най, следующим образом: «идеалы и ценности, которые Америка "экспортирует" в мозг более полумиллиона иностранных студентов, которые ежегодно учатся в американских университетах, или в азиатских бизнесменов, возвращающихся домой после стажировки в Силиконовой долине, сосредоточены на то, чтобы формировать элиты по собственному желанию» [8, с. 176-177].

Таким образом, «мягкая сила» только через образование «обеспечивает формирование у иностранных гостей определенного взгляда на мир, который отражает ценностные ориентации принимающей страны, и позволяет продолжать рассчитывать на их доброжелательное отношение к стране, в которой они проживали. Это достигается следующим образом: 1) пребывание участников образовательных программ в стране предполагает знакомство с политической и экономической моделью общества, сближение с культурой принимающей страны и ее ценностями; ... 2) путем конкурсного отбора лауреатов премий и стипендий выделяются наиболее перспективные представители в определенных областях экономической и научной деятельности; 3) после завершения обучения поддерживаются тесные связи с выпускниками через социальные сети, различные исследовательские центры, что позволяет стране-спонсору влиять на иностранные элиты или использовать эти интеллектуальные ресурсы в своих собственных интересах (такой подход широко используется Соединенными Штатами» [8, с. 176-177].

При этом следует учитывать, что суть «мягкой силы» – это ее «сила притяжения». Однако это не означает, что результат основан только на убеждении или способности побудить других сделать что-то на основании вашего аргумента, но и на том, чтобы донести до них «ценности», которые делают эту силу привлекательной. По сути, мягкая сила – это «сила информации и сила формы», которыми легко манипулировать [5, с. 522].

Внутри этого процесса есть почти неизбежная опасность, о которой предупреждали «отцы» американской конституции. Их главной просьбой ко всем, кто строил ту или иную форму демократии, была необходимость установления принципа баланса, т.е. взаимозависимости и сотрудничества властей. Усилия Соединенных Штатов по установлению абсолютного господства в международных отношениях – это прямой отказ от этого «священного правила», против злоупотребления деятельностью властных структур на всех уровнях [7; 3, с. 212].

«Абсурдно то, - говорит профессор Вучина Васович, - что государство, которое впервые предложило и ввело этот принцип в своей собственной стране так много лет назад, становится крупнейшим противником этого принципа в глобальном масштабе ... Становится страной, которая больше не может сознательно и добросовестно управлять имеющимися в ее распоряжении ресурсами и становится игрушкой в руках силы. Здесь сила доминирует не только над правдой, но и умом большей части самой могущественной группы людей. Это уже не сила в руках людей, а люди в руках силы» [9, с. 440].

2. Глобализация в сфере культуры и медиа

Суверенитет государства в сфере культуры всегда был в значительной степени фиктивным.

Ни одна страна не смогла полностью ограничить свою территорию от знаков и символов, которые являются продуктом кого-то извне. Однако, до недавнего времени у Штатов были ресурсы для того, чтобы более или менее управлять культурной самобытностью своих граждан.

«Когда рушилась советская империя, Борис Ельцин, тогдашний президент России, обратился с брони танка к населению Москвы, с мужественной речью против коммунистических путчистов, и эта речь передавалась не по советскому радио (оно было в руках коммунистов-догматов), а через искусственный спутник CNN. В этот исторический момент политического решения стало ясно огромное значение глобальной информационной Сети, символизируемой искусственными спутниками: национальная государственная информационная независимость как часть политического суверенитета была аннулирована. Национальные государства больше не могут огораживаться друг от друга. В их, охраняемых вооруженными силами границах, появились дыры...» [1, с. 37].

Эти ресурсы независимых государств в значительной степени уменьшились к концу 20-го века, а в начале 21-го века стали почти незаметными.

Глобализация в области медиа проявляется через унификацию мнений и вкусов и через отбор и навязывание информации.

Концентрируя и централизуя средства массовой информации, политические центры власти напрямую влияют на размещение желаемой информации и таким образом проектируют повседневную жизнь в соответствии с конкретной моделью.

Пять крупнейших медиа-групп мира, «Большая Пятерка», в настоящее время владеют более чем половиной всех медиа на планете. Четыре из пяти находятся в США: Time Warner, News Corporation, The Walt Disney Company и Viacom, а Bertelsman AG (Bertelsmann) имеет штаб-квартиру в Германии. Все пять групп владеют кино, телевидением, радио, издательскими и новостными агентствами и предоставляют интернет-услуги. Это означает, что они охватывают все формы общественной информации на всех континентах и во всех странах мира.

Спутниковое и кабельное телевидение, за которым следовал Интернет, ознаменовали конец государственной монополии на распространение культурной продукции на собственной территории.

Сегодня вкус, мода, поведение и даже истина направляются из одного центра, независимого от местных традиций и потребностей и часто им противоречит.

Хотя сотрудничество и взаимозависимость всех субъектов мира происходит как в политической, так и в экономической сферах, объединение и универсальный характер, по видимому, наиболее очевидны в сфере культуры. Как указывает М. Вотерс: «экономическая взаимозависимость локализуется, политическая - интернационализируется, а культурная глобализируется» [10. с.160].

Впечатляющее развитие технических и информационных наук существенно повлияло на состояние информационной и культурной независимости национальных государств. В традиционном понимании государства информационная независимость была важной чертой суверенитета. Процесс глобализации существенно изменил положение государства в этой сфере. Сегодня современные правительства неспособны контролировать поток информации на своей территории, а также предотвращать нежелательные информационные воздействия извне. Страны бывшего «социалистического лагеря» в этом отношении дольше всего сопротивлялись.

Однако после роспуска организации Варшавского договора (в определенной степени и раньше) и в этих странах произошли значительные изменения в области информации, культуры и средств массовой информации.

Преобразование СМИ в этих странах происходило по сходной траектории и в основном содержит три основных этапа:

- первый этап – начальный, он характеризуется ввозом медиа-продукции с Запада, практически без элементов обратного действия. И Россия, и Китай были слабо развиты в этой области: у них не было транснациональных медиа-корпораций, медиа-рынка и развитой медиа-индустрии;
- второй этап характеризуется постоянным развитием и приобретением опыта, он по-прежнему связан с импортом иностранных медиа-продуктов, а также постепенной адаптацией медиа-брендов на своем рынке;
- этап третий – это создание собственных глобальных новостных каналов на основе спутникового телевидения и интернет-сайтов.

По мнению многих медийных аналитиков, влияние западных СМИ значительно способствовало свержению СССР и падению коммунистических режимов в Восточной Европе.

Глобализация в России осуществлялась параллельно с процессами перестройки и гласности.

Вывод

Глядя на сущность нынешнего состояния национального государства в условиях глобализации, можно сделать вывод, что во многих сферах его регулирующая функция была подавлена или удалена и перенесена в другие подсистемы. Это значительно ускорило процесс исчезновения государственного суверенитета.

Тем не менее следует иметь в виду, что это утверждение не распространяется на все существующие государства. Разделение мира на центр, полупериферию и периферию остается основой отношений в международном сообществе. В этом смысле современные государства также можно рассматривать в связи с этим «кастовым делением» (М. Печуйлич).

По словам профессора Вучины Васовича, все страны в эпоху глобализации можно разделить на четыре группы. Первая состоит из крупных и влиятельных государств, которые являются предвестниками, основателями и распорядителями глобализации. Более того, их власть выходит далеко за рамки международного права и власти международных организаций. Вторая группа включает в себя некоторые более мелкие и слабые государства,

которые пользуются поддержкой, помощью и защитой самых влиятельных. В третью группу входят страны, в отношении которых влиятельные международные факторы являются нейтральными. Четвертая группа объединяет страны, которые потеряли популярность в глазах крупных и влиятельных государств из-за неблагоприятных обстоятельств и тем самым находятся на противоположной стороне [9, с. 446].

Иными словами, суверенитет сегодня является в значительной степени релятивизированным термином.

Если суверенитет относителен, тогда «диалектически необходимо», чтобы суверенное место, будучи привилегированным, становилось добычей сильных, которые решают о чрезвычайном положении (как составляющей суверенитета). Таким образом, лестница мощи определяет степень позитивности государственного суверенитета. На вершине лестницы находятся государства с полной властью – суверенные государства; в нижней части лестницы находятся государства с низкой мощностью власти – только условно суверенные государства. Условно суверенные государства являются в международно-правовом смысле условными. Они принимают решение о чрезвычайном положении на своей территории только при условии, если таким образом не затрагивают интересы более сильного международного юридического лица. Их суверенитет является временным, потому что он всегда может быть приостановлен силой более сильных.

Таким образом, мы приходим к осознанию того, что именно реальная сила определяет пределы и степень суверенитета!

В глобальном масштабе кажется, что общая мощь национальных государств осталась прежней, только она распределяется по-разному. В то время как некоторые страны фактически потеряли свой суверенитет и стали «распавшимися» или «фрагментарными» государствами, некоторые даже укрепились и стали «функциональным эквивалентом мирового правительства». Такой порядок, безусловно, не может остаться без изменений. Об этом убедительно свидетельствует опыт безуспешных усилий многочисленных великих держав при политике обеспечения господства над другими.

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? – Москва: Прогресс – Традиция. 2001. – 304 с.
2. Фунг Ю-Лан. Историја кинеске филозофије. - Б.: Нолит, 1992. – 394 с.
3. Килибарда З., Младеновић М., Ајзенхамер В. Геополитичке перспективе савременог света - Б.: Факултет безбедности. 2014. – 355 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. – Л.: Государственное издательство политической литературы, 1950. 64 с.
5. Младеновић М., Пономарева Ј. Теорија и пракса "шарених револуција"//Социолошки преглед. – 2012. – №46 (4). – С. 513–533.
6. Младенович М. Беларусь сегодня и завтра глазами сербского политолога //Проблемы управления. – 2014. – №52 (3). – С. 27–32.
7. Младенович М., Пономарёва Е.Г. Крым: взгляд из будущего //Парадигмы истории и общественного развития. – 2018. – №10. – С. 69–72.
8. Най Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – Москва: ФСП и Тренды, 2006. – 221 с.
9. Васовић В. Глобализација, држава и демократија, у: Подунавац, М. (уредник), Држава и демократија. - Б.: Службени гласник и Факултет политичких наука. – 2010. – 539 с.
10. Waters M. Globalization, 2nd edition. - L., New York.: Routledge. 2001. 185 с.
11. Зиновьев А. Запад, феномен западнизма. URL: http://istmat.info/files/uploads/29034/westism_a-a-zinoviev_2003.pdf, (дата обращения: 19.03.2020).

References

1. Bek U. *Chto takoe globalizatsiya?* [What is globalisation?] M., Progress – Traditsiya Publ., 2001, 304 p.
2. Fung Ju Lan. *Istorija kineske filozofije*. [History of Chinese Philosophy]. B., Nolit Publ., 1992, 394 p.
3. Kilibarda Z., Mladenovich M. And Eisenhamer V. *Geopolitical perspectives of the modern world*. B., Faculty of security studies Publ., 2014, 355 p.
4. Marks K. i Engel's F. *Manifest kommunisticheskoy partii*. [Manifesto of the Communist party] L., Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1950, 64 p.
5. Mladenovich M., Ponomareva J. *Teorija i praksa "sharenih revolucija"* [Theory and practice of "colorful revolutions"]. B., Socioloski-pregled Publ., 2012, 46 (4), pp.513–533.
6. Mladenovich M. *Belarus' segodnya i zavtra glazami serbskogo politologa*. [Belarus today and tomorrow through the eyes of a Serbian political scientist], *Problemy upravleniya*, [Management problems], 2014, 52 (3), pp. 27-32.
7. Mladenovich M., Ponomarëva E.G. *Krym: vzglyad iz budushchego*. [Crimea: a view from the future], *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya*, [Paradigms of history and social development], 2018, I. 10, pp. 69-72.
8. Naj Dzh.S. *Gibkaja vlast'. Kak dobit'sja uspeha v mirovoj politike*. [Flexible power. How to succeed in world politics], M., FSP i Trendy Publ., 2006, 221 p.
9. Vasovich V. *Globalizacija, drzhava i demokratija*, u: Podunavac, M.(urednik), *Drzhava i demokratija*. [Globalization, state and democracy, in: Podunavac, M. (editor), state and democracy]. B., Sluzhbeni glasnik i Fakultet politichkih nauka Publ., 2010, 539 p.
10. Waters M. *Globalization*, 2nd edition, L., N.Y., Routledge Publ., 2001, 185 p.
11. Zinov'ev A. *Zapad, fenomen zapadnizma* [The West: phenomenon of westernism]. Available at: http://istmat.info/files/uploads/29034/westism_a-a-zinviev_2003.pdf (Accessed: 19.03.20202).